

Глава 4. Недопонимание

После того как накануне вечером Мо Хань вернулся с Чи Нанем в приют, заместитель директора Чжан больше не объявлялся. Мо Хань уже успел выбросить эту неприятную историю из головы, как вдруг за завтраком одна из кухарок поделилась свежими сплетнями. Оказалось, их дражайший завуч умудрился ночью выпасть из окна собственного дома. Результат — выбитые передние зубы и трещины в черепе.

Тётя Дай, шинкуя капусту, то и дело поглядывала на шкворчащую плиту. Масло на сковороде весело трещало, а женщина увлечённо тараторила, прерываясь лишь для того, чтобы смахнуть со лба налипший волосок.

— Слухами земля полнится, кто ж теперь правду разберёт, — приговаривала она. — Говорят, шёл прохожий по улице, и вдруг — бах! Прямо перед носом тело падает. Хорошо ещё, третий этаж всего, да сушилки для белья удар смягчили. Иначе поминай как звали, ну или овощем бы остался до конца дней.

Мо Хань озадаченно нахмурился. С чего бы взрослому человеку среди бела дня — точнее, ночи — вываливаться из окна? Неужели кто-то помог? От этой мысли у него мороз пробежал по коже. И дело было вовсе не в мистике — почему-то в голове сама собой возникла безумная связь между ночным падением завуча и вчерашним домогательством.

«Что ж, собаке — собачья смерть», — злорадно подумал Мо Хань.

Даже если это просто глупые совпадения, в глубине души он был бесконечно благодарен тому безвестному мстителю, который устроил Чжану этот полёт. Лицемерный мерзавец наконец-то получил по заслугам. И пускай Мо Хань сам не отличался ангельским терпением, прощать подобные выходки он не собирался. К счастью, теперь этот гад валялся на больничной койке в глубокой коме, из которой вряд ли скоро выберется.

От этой мысли на душе стало значительно легче. Мо Хань взглянул на часы. Время поджимало.

— Тётя Дай, я побежал, а то на уроки опоздаю! Спасибо за капусту с грудинкой! — крикнул он уже на ходу.

Обернувшись, он помахал рукой. Белое здание приюта, залитое ярким утренним солнцем, стремительно отдалялось. Тётя Дай только улыбнулась ему вслед, так и не успев крикнуть привычное «не беги сломя голову» — парень уже скрылся за воротами.

Все четыре утренних урока Мо Хань просидел, подперев кулаком щеку и бесцельно глядя в окно. В голове не задерживалось ни слова из того, что бубнили учителя.

Здания их школы были выстроены из красного кирпича в готическом стиле. Вместо привычных плоских крыш здесь высились шпили, фасады украшали круглые часы, а посреди искусственного озера застыла беломраморная фигура святого отца, благословляющего камни и воду. Видимо, школу построил какой-то набожный меценат — то ли ради того, чтобы дать сиротам достойное образование, то ли просто теша собственное тщеславие.

На школьном дворе шумела толпа младшеклассников, и лишь корпус выпускников хранил гнетущую тишину. Здесь шла отчаянная борьба за выживание: каждый готовился к выпускным экзаменам, словно к штурму неприступной крепости. Стоило хоть на миг расслабиться — и ты окажешься за бортом, так и не добравшись до заветного университетского порога.

За невесёлыми мыслями время пролетело незаметно. Последним уроком стояла английская литература. Учительница — педантичная, строгая женщина, никогда не задерживавшая класс ни на секунду, — захлопнула журнал ровно со звоном. Благодаря её пунктуальности Мо Хань успел выскочить из кабинета до того, как коридоры заполнила ревущая толпа школьников.

Корпус Чи Наня находился чуть глубже в школьном дворе, так что, пока Мо Хань спускался к воротам, младший как раз успел выйти из своего класса. Они встретились на аллее секунда в секунду.

По привычке не проронив ни слова, они зашагали к выходу: один впереди, другой послушной тенью следом.

Чи Наню едва исполнилось четырнадцать, но умом бог его не обделил, да и вытянулся он за последний год знатно. Если бы не по-детски округлые щёки, никто бы и не подумал, что этот долговязый подросток уже заканчивает десятый класс. Против феноменальной одарённости Чи Наня Мо Хань чувствовал себя полным бездарем. Нет, дураком он не был, но угнаться за гениальным приёмом, который щёлкал учебную программу как орехи, просто не мог. Хотя и самого Мо Ханя в школе многие считали примером для подражания.

Мо Хань скользил взглядом по спине шедшего впереди мальчишки, и на душе у него скребли кошки. Чи Нань молчал уже вечность. Он не просто избегал разговоров — он игнорировал само его существование. Они каждый день ходили вместе, но Мо Хань видел лишь затылок подростка и уже начал забывать выражение его лица.

Дорога свернула в грязный жилой переулок. Вокруг высились облезлые многоэтажки, под ногами валялся мусор, отовсюду доносился бытовой шум. Раньше Чи Нань всегда старался проскочить это унылое место как можно быстрее, но сегодня вдруг сбавил шаг. Сунув руки в карманы брюк, он шёл не торопясь, оглядываясь по сторонам, словно высматривал кого-то.

Вскоре он замер возле груды зловонных отходов у кирпичной стены. Потоптавшись, Чи Нань опустился на корточки и протянул руку прямо в гниющие остатки еды.

Мо Хань оторопел. Чи Нань протянул тонкие чистые пальцы туда, где кружили жирные мухи и клубилась вонь. Картина выглядела дико.

Шагнув вперёд, Мо Хань поспешил к нему. Ему не терпелось узнать, ради чего этот брезгливый молчун решился лезть в грязь. Подойдя вплотную, он заглянул Чи Наню через плечо и увидел в глубине мусорной кучи ободранного рыжего пса.

— Сиб-ину? — тихо вырвалось у Мо Ханя.

Животное явно пострадало от чьих-то жестоких рук. Розовый некогда живот покрывали глубокие рваные борозды — не то порезы от ножа, не то следы когтей. На некоторых ранах уже налипла корка, но другие всё ещё сочились сукровицей. От шерсти бедолаги разило тухлятиной — видать, пёс обитал на этой помойке не первый день.

Несмотря на грязь, Чи Нань осторожно коснулся пальцами собачьей морды. Измождённый пёс, почувствовав ласку, робко ткнулся носом в его ладонь и негромко заскулил.

Брезгливо поморщившись, Мо Хань бесцеремонно схватил Чи Наня за предплечье и силой заставил подняться, уводя подальше от гнили. Перепуганная собака с визгом отпрянула вглубь помойки.

— Ты с ума сошёл?! — прикрикнул Мо Хань. — Она же вся в заразе! Подцепишь какую-нибудь дрянь, потом не отмоешься!

Чи Нань резко дёрнул плечом, поправляя сползшую лямку рюкзака, и смерил его ледяным взглядом:

— Какое твоё дело? Если и подцеплю, то тебя это не касается. Не лезь ко мне!

Мо Ханю было плевать на грубость в свой адрес, но оставлять подростка наедине с бешеной или больной собакой он не мог. Однако его заботу растоптали в ту же секунду.

— Я просто предупреждаю. Помойная псина может оказаться бешеной!

Чи Нань ядовито усмехнулся. Он посмотрел с неприкрытой злобой.

— Заразиться? Я чужие постели не караю и за деньги ноги не раздвигаю. Так что за моё здоровье не переживай.

Каждое слово било наотмашь, сочась ядом скрытого намёка. Мальчишка бил по больному, целясь в самое уязвимое место.

Мо Хань застыл, не веря собственным ушам. Сколько он знает? Что он думает обо мне и Чи Юэ? Неужели презирает? Горло сдавило спазмом, слова оправдания застряли комком.

— Сяо Нань, ты всё не так понял...

— Раз не так, то и пошёл к чёрту! Ты мне никто! — сорвался на крик подросток. — Мой брат мёртв. У меня больше нет семьи. А ты вообще откуда взялся, чтобы меня воспитывать?!

— Да я же за тебя боюсь! — в отчаянии воскликнул Мо Хань.

Чи Нань снова засунул руки в карманы и перед тем, как уйти, бросил напоследок слова, которые полоснули Мо Ханя по лицу похлеще хлыста.

— Я не ты. Это ты у нас умеешь смазливой рожей мужиков завлекать, чтобы потом жить припеваючи за чужой счёт. Мне до такого высшего общества не дотянуться.

Смысл был предельно ясен. Чи Нань считал, что Мо Хань просто соблазнил его брата ради безбедной жизни, а теперь планирует найти себе новую дойную корову. За кого он его принимал?!

Ярость обожгла изнутри. Мо Хань рванулся вперёд, мёртвой хваткой вцепился в плечо Чи Наня и прорычал:

— Так вот ты какого мнения обо мне?! Да что ты вообще понимаешь в этой жизни?!

Мальчишка даже не вздрогнул.

— Ничего я не понимаю! — огрызнулся он, глядя в упор. — Одно знаю наверняка: ты дешёвка. И больше никто!

Почти сравнявшийся с Мо Ханем ростом Чи Нань с силой вырвал руку и, круто развернувшись, зашагал прочь.

Мо Хань остался один на один со своей обидой. В глазах щипало, дыхание перехватило. От бессилия он лишь закричал ему в спину настоящее имя:

— Чи Вэйюй!

Обычный серый переулок остался прежним, но теперь он казался Мо Ханю вымершим и ледяным.

В приюте пахло тушёной капустой с мясом, но обед, которого Мо Хань так ждал утром, теперь

вызывал лишь тошноту. Накрытый стол казался безвкусным и чужим.

Ковырнув вилкой пару раз, он поднялся из-за стола. Отказавшись от отдыха, Мо Хань вернулся в школу только для того, чтобы забрать у классного руководителя освобождение от занятий по болезни. Сняв в кулаке листок с печатью, он пошёл по улице. Ноги налились свинцом, возвращаться в приют не хотелось. Слова Чи Наня продолжали звучать в голове, отдаваясь тупой болью в висках.

Мо Ханю было невыносимо больно. Пусть этот упрямец не принимал их отношений с Чи Юэ, пусть ненавидел его за то, что на похоронах брата Мо Хань не проронил ни слезинки. Пускай считал его бесчувственной тварью. Но приравнять его чувства к банальной торговле телом?! Это было выше сил. Осквернить чужую любовь, низвести её до грязной сделки — на такое мог пойти только законченный циник.

«Тварь... Какая же ты тварь!» — Мо Хань с силой пнул валявшуюся на дороге жестянку.

Почему он должен выносить всё это? Чи Юэ ушёл из жизни, оставив его расхлёбывать эту кашу в одиночку. Мо Хань ведь никогда не интересовался парнями. Ему был нужен только один человек — сам Чи Юэ.

— Я не такой... — сквозь зубы прошептал он, до боли сжимая кулаки.

В душе вскипела горькая обида. Если бы не упрямство Чи Юэ, если бы тот не кружил ему голову своей заботой, не соблазнял и не ломал его через колено, превращая обычного парня в «неправильного», жизнь Мо Ханя сейчас была бы простой и понятной. Ему не пришлось бы заглядывать в глаза Чи Наню, пытаться заслужить прощение, и вечно ходить на цыпочках.

«И ради чего? Чтобы в итоге стать в его глазах дешёвой шлюхой?» — от злости перехватило дыхание.

Сам того не замечая, он снова забрёл в тот злополучный переулок. Проходя мимо помойки, Мо Хань невольно затормозил. Рыжий пёс всё так же сидел в углу, уткнув морду в лапы. Одиноким, брошенный всеми комком шерсти.

Мо Хань прижал руку к груди. Сердце билось ровно и горячо, напоминая, что он всё ещё жив. Глубоко вздохнув, он подошёл к мусорной куче, осторожно подхватил грязного пса на руки и решительно зашагал в сторону ближайшей ветеринарной лечебницы.

Дежурный ветеринар, увидев промокшего подростка с умирающим животным на руках, без лишних слов крикнул медсестру. Пса быстро устроили на операционном столе, доктор задал пару коротких вопросов и принялся за работу.

Лишь когда за дверью операционной загорелась красная лампа, Мо Хань сообразил, что у него

нет с собой ни гроша. Парень-ассистент, подпиравший стену в коридоре, будто прочитал его мысли.

— Да ты не переживай так, — добродушно улыбнулся он. — Сейчас заштопаем твоего бедолагу, оставим в стационаре на пару дней. Деньги потом занесёшь, как забирать будешь.

Признаваться в собственной нищете было неловко, поэтому Мо Хань лишь неопределённо кивнул в ответ. Раз делать здесь больше было нечего, он направился к выходу.

— Эй, парень, ты куда? — окликнул его ассистент, перекатывая во рту леденец. — Операция ещё идёт вообще-то.

— Я позже зайду, — не оборачиваясь, бросил Мо Хань.

— погоди! Псина-то уличная, мало ли заразы на ней. Тебе бы хоть раны обработать да прививку сделать для профилактики.

Мо Хань взглянул на свои испачканные грязью и кровью руки и тихо покачал головой.

— Всё в порядке, я просто помою их.

Ассистент хотел было возразить, напомнить про бешенство и столбняк, но парень уже выскочил на улицу и скрылся за дверью.

— Ну точно на мели, — пробормотал помощник, глядя на горящее табло операционной. — Надо будет шефу сказать...

Покрутив в руках ручку, он вернулся на свой пост.

Когда Мо Хань вышел из клиники, солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в багровые тона. Оказалось, он провёл там почти весь день.

Возвращаться в душный приют не хотелось. Мо Хань дошёл до автобусной остановки. В кармане сиротливо звякнула пара монет — как раз на проезд. Он решил довериться судьбе: сядет на первый попавшийся автобус, доедет до конечной, а там видно будет.

На скамейке сидела лишь одна попутчица — пожилая крестьянка с обветренным лицом и тяжёлой корзиной, из которой торчали красные пластиковые пакеты. Заметив Мо Ханя, она дружелюбно прищурилась. От этой простой улыбки на душе у него потеплело, словно весенний

ветерок коснулся застывшей ледяной глади озера. Тревога понемногу отступила.

Вскоре подошёл старый, дребезжащий автобус. Бросив мелочь в кассу, Мо Хань прошёл в конец салона и сел у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу. За окном мелькали серые улицы и спешащие по своим делам люди. Приют оставался далеко позади. Назойливые воспоминания, терзавшие его весь день, постепенно растворялись в мерном покачивании машины.

— Остановка «Конечная». Уважаемые пассажиры, освободите салон, — раздался из динамиков механический голос автоинформатора.

Мо Хань вздрогнул и открыл глаза. За окном уже стояла глухая ночь, редкие уличные фонари лили тусклый жёлтый свет на пустой тротуар. Сонно потирая глаза, он вышел на улицу. Автобус, фыркнув выхлопными газами, развернулся и уехал в парк, оставив Мо Ханя в полном одиночестве посреди незнакомого района.

«Чёрт, ну и занесло же меня...» — парень растерянно огляделся. Автобус увёз его на самую окраину города, и как теперь выбираться отсюда без единого гроша в кармане, он не имел ни малейшего представления.

Жаловаться было некому. Оставалось надеяться только на собственные ноги да на какое-нибудь чудо. Он вздохнул и пошёл вдоль тёмной обочины.

— Мо Хань, ты и вправду собираешься идти пешком?

<http://bllate.org/book/19807/2028769>